

Писатель-читателю

Газета продолжает разговор о творческой лаборатории писателя. Сегодня в нашей традиционной рубрике выступает автор широко известных книг «Ленин разговаривает с Америкой», «Дипломаты», «Кузнецкий мост»

Савва ДАНГУЛОВ

ПОСТИГАЯ МИР ГЕРОЯ

Мне посчастливилось разговаривать с людьми, которые были близки Владимиру Ильичу Ленину, настолько близки, что казалось — я воспринимаю через них Ленина. В тридцать четвертом я привез в Москву рукопись своей первой книги о строительстве гидростанции в Кавказских горах и был принят Г. М. Кржижановским. Двумя годами позже в здании Наркомпроса у Чистых прудов я говорил с Н. К. Крупской. А много позже, уже после войны, мне довелось беседовать с А. М. Коллонтай.

Три встречи с людьми, которых учили искусству революции Ленин, в которых в какой-то мере преломились качества учителя, явились для меня как для литератора определяющими. Если говорить о моем романе «Кузнецкий мост», говорить в широком плане, то это роман об Октябре, о том, как его принципы восприняты нашим народом и героически защищены в борьбе против гитлеровской нечисти. Мне кажется, центральная, стержневая и остро современная мысль, которая проходит через романы «Дипломаты» и «Кузнецкий мост», несмотря на их известную хронологическую отдаленность друг от друга, — это мысль о сосуществовании, ленинская мысль о сосуществовании государств с различным общественным строем. В своих книгах я хотел выразить еще одну идею — о превосходстве нашей стратегической мысли.

Образы главных героев романа собирательны, хотя, очевидно, каждый из них имеет вполне реальный прототип. Скажем, работая над образами Бардина и Бекетова, я использовал некоторые биографические черты советских дипломатов, которые были участниками многих встреч, проходивших в Москве, в Наркоминделе, находившемся в годы войны на Кузнецком мосту (отсюда, кстати, и название романа), и за рубежом — в Лондоне, Вашингтоне... Подлинные свидетельства — документы, мемуары советских и зарубежных дипломатов и легли в основу книги.

Работая над «Дипломатами», я испытывал необходимость проделать путь Чичерина из Москвы в Лондон и обратно кораблем. Не могу сказать, что я обрел что-то особо ценное... И вместе с тем могу сказать, что обрел бесценное. С одной стороны, писатель должен знать досконально внешнюю фактуру предметов: и ощущение качки в море, и цвет морской волны, и посвист ветра... С другой стороны, это знание помогает лучше представить

мироощущение и настроение своего героя — а что может быть для писателя важнее? Я принял за правило: если есть возможность побывать на месте действия, «пообщаться» с ним, как с очевидцем происшедшего, тем более, если в живых нет самого человека. Если можно, разыскать и встретиться с теми, кто знал своего героя. Или — посмотреть его рукописи.

Писатель, обративший свою мысль к новому произведению, должен пережить в какой-то мере то же самое, что чувствует актер, переселившийся в душу героя, которого ему надо сыграть. Это «вживание» идет по разным линиям, однако едва ли не главная — стремление ощутить мир, в котором писатель поселит своего героя. Уверен: чем своеобразнее будет этот мир, больше того, чем он будет заповеднее, тем большие «выгоды» это сулит писателю. Думаю, что дипломатия как особая область человеческих связей заслуживает того, чтобы ее «открывал» кто-то, а что на ее материале возможны серьезные художественные открытия — для меня несомненно...

Вообще, по многим соображениям, дипломатия — это та сфера политической жизни, которая теснейшим образом связана с литературой. Дипломату должно быть присуще постоянное ощущение духовного мира «оппонента», его интеллекта, характера, стиля мышления, ощущения той страны, которую тот представляет. А отсюда и необходимость, и потребность знания деталей образа жизни страны, ее обычая и традиций, пейзажа, истории и т. д. Литература и дипломатия глубоко родственные друг другу. И не случайно Г. Чичерин свободно ссылался в своих документах на А. Мицкевича и Ю. Словацкого. Когда я приступал к работе над сюжетами дипломатическими, я хотел реализовать в характеристиках эту сторону своих представлений о дипломате как личности.

Но, работая в одном и том же тематическом режиме, писатель рискует утратить широту мировосприятия, многообразность красок и приемов. Так и дипломатическая тема может привести к некоторой скованности языка. Я лично ощущаю необходимость выхода за пределы дипломатической темы. Таковы мои повести об отчей кубанской земле «Учитель словесности», книга для меня в чем-то экспериментальная. С этими повестями сомкнулись и монографические статьи о позах-северокавказцах: Р. Гамзатове, К. Кулиеве, Д. Кугультинове.

26 МАРТ 1960

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКОВА